

Сколько раз говорил себе Рузанин, что негоже возбуждать себя горячительными напитками перед вылазкой в лес, и вот на тебе, не удержался, принял-таки двести пятьдесят на дорожку. Видать, поэтому грибная охота сразу не задалась: глаза туманила какая-то слезливая пелена, а сами грибы, которых об эту осеннюю пору должно было быть видимо-невидимо, словно бы разбегались, почуяв исходящий от охотника тлетворный водочный дух.

Вот уже полтора часа, с самого полудня бродил он по знакомому осиннику, и хоть бы одна охряно-красная головка или крепкая коричневая шляпка мелькнула в гуще невысокой пожухлой травы или на кочках зеленовато-бурого мшаника. Лишь с десятков хлипких тонконогих болотных подберёзовиков лежали на дне его поместительной корзины.

Но и то сказать: как было удержаться-то? Очнувшись этим утром, Алексей Рузанин едва сумел оторвать распухшую голову от подушки, даже ведро ледяной воды, которое он с утробным рыком вылил на себя во дворе, не смогло совсем прогнать похмельную одурь и дикую пляску рук. Вчерашний скандал с женой совершенно выбил его из колеи. Далеко не первый скандал, но уж очень безобразный. Взаимные упреки и обвинения в неверности едва не закончились рукоприкладством. В конце концов Людмила хлопнула дверью и ушла ночевать к соседке. Напоследок посулив мужу показать «небо в алмазах» вкупе с «кузькиной матерью». Алексей ей поверил — чего-чего, а мстительности его благоверной не занимать.

Ему бы переждать, полежать в шезлонге, погреться в ещё тёплых лучах осеннего солнышка, но Алексей решил, что только в лесу ему может быть облегчение, только там, под сенью вековых сосен и покляпых осин, живительные запахи прелой листвы и смолистой хвои прогонят наконец прицепившуюся хворь, заставят бежать кровь по жилам, убьют глухую тоску...

Когда же и на третий раз не сумел он натянуть резиновые сапоги – сил не было протолкнуть в голенище ногу в толстом

шерстяном носке – то, раздражённо выматюгавшись, пошёл на кухню. Не найдя на столе и на полках стакана, подошёл к русской печке, пошарил по печуркам и вытащил стограммовую фарфоровую стопку в виде босой лещачьей лапы. «Очень кстати, – подумал Рузанин. – На ход ноги, значит».

Открыл непечатую бутылку «Ярославской», расплёскивая живительную влагу трясущимися руками, налил первую и быстро, чтобы не дать тремору его опередить, забросил содержимое прямиком в глотку. Покорчился минут пять, унимая рвотные позывы, занюхал куском заплесневелого сыра и сейчас же выпил ещё. Короче говоря, ополовинив пузырь, Алексей почувствовал некоторое облегчение. Во всяком случае, ушла из тела противная дрожь, а на душе стало не так муторно и тоскливо.

Когда он, прислонив снаружи к двери в избу батог, дабы всем было ясно, что хозяина дома нет, направился по заросшей овечьей травой деревенской улице в сторону леса, было уже около полудня.

Не оглядываясь, миновал Рузанин поросшее лебедой, бурыми свечами конятника и лопухами давно отцветшей мать-и-мачехи бывшее совхозное поле и вошёл в лесную просеку-визирку, что вела прямиком к молодому двадцатилетнему березняку, за которым как раз и был нужный ему старый осинник, где он надеялся набрать никогда не переводившихся там подосиновиков и белых.

В лесу было тихо, только сухая листва шелестела у Алексея под ногами, да лёгкий ветерок шевелил самые верхушки янтарных сосен. Высоко над ними почти безоблачный небесный купол был лёгок и светел, синь его ещё не успела отцвести, но неуловимый стальной отблеск напоминал о близящейся промозглой поре затяжных дождей и студёных ветров. Лучи усталого осеннего солнца заливали просеку приятным тепловатым светом, сквозили в сильно поределой листве дубов и осин. Лес стоял печальный и прозрачный, словно готовясь к зимнему умиранию. Не было слышно

привычного летом птичьего гомона, лишь изредка пронзительный вскрик сойки нарушал осеннее безмолвие.

Рузанин свернул с травянистой тропки и углубился в березняк. Остановился на несколько минут, чтобы закурить и срезать себе подходящую ветку попрямее: с палкой об эту пору грибы искать сподручнее, шевелить толстый многоцветный покров опавших листьев.

По сторонам Алексей особо не глядел – места кругом были знакомые, много раз хоженые. Правда, осенний лес – не то что летний, и знакомые места подчас кажутся чужими, но уж до осинника Рузанин сумел бы добраться и с завязанными глазами.

В этом самом попутном березнячке, среди высокой, начинающей желтеть осоки, он и нашёл тонконогих болотных черноголовиков, которых в здешних местах почему-то величали «обабками». А затем удача ему изменила.

Споткнувшись в очередной раз о толстое корневище и едва не ткнувшись носом в землю, Алексей решил передохнуть. Сел на сухую листовенную подстилку, устало прислонился к замшелому стволу старой осины, закурил. Было очевидно, что тут бродить долее особого смысла не имеет, но и с пустыми руками домой возвращаться он не хотел: завтра должен был приехать его старый товарищ – Колька Иконников, а Алексей твердо обещал угостить его приготовленными по собственному рецепту грибами. Что ж делать? Куда ещё пойти? Осенние опять уже прошли... Может, вернуться обратно и поискать белых в сосновом бору по краям просеки? Но много ли там найдешь! В том бору и в хорошие времена белые встречались по штуке на гектар, а сейчас, коли уж фарт не пошёл...

Неожиданно Рузанин вспомнил о дальнем ельнике, что лежал за небольшим болотцем километрах в двух к востоку отсюда. Рядом с тем ельником, в тёмном смешанном леске, в конце лета и осенью всегда росло невероятное количество польских белых. С боровиками их, конечно, не сравнить, зато и растут они целыми семьями: полчаса – и корзина полная.

С некоторым трудом поднявшись на неожиданно ослабевшие после отдыха ноги, Рузанин огляделся, наметил направление и как мог быстро зашагал на восток.

Осинник поредел, расступился, и перед Алексеем открылась большая поляна, поросшая осокой и редкими купами

молодых берёзок. Пройдя вдоль неё, Алексей нашёл нужную ему почти неприметную тропку и побрел через сухо шелестевшую траву, стараясь не запинаться за многочисленные кочки.

Перебежав замысловатыми извилинами поляну, тропинка упиралась напрямик в очередную старую лесную просеку, называемую «полднищем», ибо в былые незапамятные времена бабы ходили по ней к полудню доить коров, пасущихся на заливных лугах близ деревни Рогозино. Правда, нынче ни тех лугов, ни той деревни давно и в помине не было, но название сохранилось.

Просека поросла местами невысоким сивым тальником, по бокам её сплошной непроницаемой тёмно-зелёной стеной стояли угрюмые разлапистые строевые ели. Их могучие, начинающиеся едва не от самой земли ветви стелились и по самой просеке, мешая идти и заставляя Алексея то и дело спотыкаться.

Запнувшись в очередной раз, Рузанин не устоял на ногах и сунулся носом в траву, выматюгался, поднял глаза и увидел прямо перед собой выводок крепких листовенных масляток, спрятавшихся в переплетении пожухлой, но ещё густой травы. «Вот те раз, – подумал Алексей, – видать, я прямо по масляткам шастаю. Экая дубина! Однако упал это я удачно». Усевшись по-турецки, он стал осторожно вытаскивать грибы из земли, аккуратно очищать ножом корешки и складывать в корзину. Рузанин никогда не срезал грибы, считая таковую привычку верхом дурости, ибо знал, что в девяноста случаях из ста при срезании половина грибного корня остаётся в земле, червям на потребу. Ссылка же некоторых его знакомых на то, что при подобном «варварском» способе сбора разрушается грибница, ничего кроме смеха у него не вызывала. Как можно повредить раскинувшуюся на множество метров под земным покровом грибницу, сорвав порождаемые ею плодовые тела? Равным образом верно утверждение, что яблоки с яблони надлежит не обрывать, но срезать ножом, оставляя половинки их гнить на ветках.

Вставать с земли Алексей не спешил, отставил в сторону корзину и принялся внимательно обследовать траву вокруг найденного грибного семейства. Поиски не замедлили дать положительные результаты: в короткое время он сумел обнаружить ещё десятка три склизких оливково-оранжевых

шляпок. Почти все маслята оказались на удивление чистые, червивых попадалось мало, что для этих капризных грибов большая редкость. Видимо, сказывалась осенняя прохлада.

Наконец, тяжело поднявшись на ноги, Рузанин пошебуршил ещё для очистки совести палкой в траве и, не обнаружив ничего достойного внимания, двинулся дальше по просеке. Корзинка его была теперь на четверть заполнена и приятно тяжелила руку.

Просека кончилась, вековой ельник перешёл в какие-то донельзя искривленные сосенки, затем пошёл кустарник, и перед Алексеем открылось неглубокое на вид, но топкое болотце с бочажинами чёрной воды, подернутой плесенью ярко-зелёной ряски.

Алексей остановился, припоминая, с какой стороны лучше всего обойти это препятствие.

Прямо за болотцем, за почти голыми купами лозняка опять начинался строевой еловый бор, а где-то левее должен был быть тот самый лесок, обильный ядреным польским грибом.

Однако слева топкая местность простиралась на весьма значительное расстояние и заканчивалась совершенно непроходимыми зарослями сивого тальника. Туда лучше было не соваться. Рузанин повернул направо и решительно, насколько позволяла накопившаяся усталость и общее ослабление, вызванное постепенным прекращением действия алкоголя, зашагал вдоль мшистых кочек и островков всё ещё зелёной болотной осоки.

В воздухе остро пахло бильником и веяло ещё каким-то особенным болотным духом, не сказать, что неприятным. Досаждающей путникам в этих местах мошкеры не было и в помине, лишь редкие белёсые мотыльки, разбуженные солнечными лучами, порхали над осокой. Засмотревшись на их дерганые движения, Алексей не сразу заметил, что под ногами у него захлюпала вода. Сообразив, что слишком рано стал принимать влево, он вновь вылез на сухой пригорок, тянувшийся вдоль болота, и огляделся вокруг. Странно. По его расчётам, он уже должен был выйти к правой оконечности болотца, однако перед ним по-прежнему была всё та же картина: мшистые кочки и осока – по одну сторону и хилые заросли лозняка – по другую.

Между тем, небо начало заволакивать серыми дождевыми облаками. Они

медленно наползали откуда-то из-за невидимого за деревьями горизонта и неуклонно подбирались к тускловатому солнечному диску. В то самое мгновение, когда последние лучи его, блеснув ещё пару раз в облачных окнах, совсем погасли, с неба посыпал беззвучный мелкий дождь.

Рузанин натянул на голову капюшон куртки и застегнул молнию, – становилось зябко. Он как мог постарался ускорить шаг. Надвинутый на глаза капюшон сильно мешал обзору, поэтому Алексей смотрел только себе под ноги, опасаясь потерять путеводный пригорок.

Ну вот, наконец, местность стала более ровной, чахлая болотная растительность сменилась сначала низеньким ельником, затем величавыми кондовыми соснами; их неохватные, со стальным, янтарным и медно-красным ближе к кроне отливом стволы высились тут и там, будто колонны Карнакского храма. Подлеска почти не было, почву устилал толстый слой опавшей хвои, а воздух был напоён приятным смолистым ароматом; лишь беспрестанно сеющий с низкого неба липкий дождь портил впечатление.

Рузанин остановился, откинул капюшон и осмотрелся. Да, всё верно: болото осталось позади, теперь главное не потерять его из виду и добраться до ельника, а там и до места рукой подать.

Алексей вновь нахлобучил поглубже капюшон, ознобливо передернул плечами и, низко нагнув голову, почти бегом устремился вперед. Нужно было спешить, чтобы успеть вернуться до ранних в это время года сумерек.

Лесок, куда направлялся Рузанин, был довольно странным. Росли в нём деревья почти всех возможных для здешних краёв пород: и осина, и клён, и рябина, и ольха; густые пахучие заросли бузины соседствовали с колючим можжевельником и мохнатыми замшелыми елями; морщинистые дубы – с редкими корабельными соснами, а место подлеска занимали обильно разросшиеся папоротники и ядовитый вороний глаз – неперенные спутники польского белого. Странен же он был тем, что, несмотря на занимаемое им небольшое пространство, ограниченное болотом с одной стороны и старым ельником – с трёх других, Алексей не единожды умудрялся там плутать. Расстояния и направления в этом леске, казалось, беспрестанно менялись. Сколько

раз пытался он помечать свой путь заломленными ветками или зарубками на древесных стволах, чтобы легче было выйти к знакомым местам, но всё одно выбираться приходилось каким-нибудь новым, неведомым дотоле путём, оставленные же им приметы бесследно исчезали. И это была не единственная странность.

Не прерывая быстрого шага, Алексей поддёрнул левый рукав куртки и мельком глянул на часы. Часы стояли. Видимо, вчера он позабыл их завести, и теперь они намертво застряли на половине третьего. Сколько точно времени бродил он уже по лесу, Алексей не знал, а серое слезливое небо ничего не могло ему подсказать. Вот если бы выглянуло солнышко, хотя бы на миг. «Однако уж никак не менее четырёх часов, – подумал он, зло сплёвывая и опять прибавляя шаг. – Надо поспешать, поспешать». И тут, будто натолкнувшись на невидимую преграду, он остановился и, глянув влево, обнаружил, что болото давно уже кончилось и на месте его громоздится непроницаемая стена векового ельника.

Пробираться через ельник было значительно сложнее, нежели бежать по чистому сосновому бору. Каждая колючая лапа норвила заехать в лицо, стащить с головы капюшон; часто приходилось петлять, огибая ощерившиеся острыми, как ножи, сучками завалы упавших деревьев. Одно утешение – дождь здесь почти не ощущался, мелкая морось не проникала сквозь густое переплетение ветвей хвостистых великанов.

Обходя очередное нагромождение почерневших осклизлых стволов, уныло догнивающих под сенью своих ещё живых собратьев, Рузанин неожиданно наткнулся на едва приметную узенькую лесную тропку. «И тропок-то тут раньше никаких не бывало», – подумал Алексей, но искушать судьбу всё же не стал и двинулся дальше по ней, тем паче, что тропа бежала, как ему казалось, аккуратно в нужном направлении.

Действительно, не прошло и получаса, как ельник оборвался неглубокой ложиной, за которой начинался тот самый «странный» лесок.

Алексей передохнул пару минут, приводя в норму сбившееся дыхание, потянулся было в карман за сигаретами, но передумал и осторожно ступил на сплошной ковёр хрусткого брусничника, металлической зелени которого, казалось, были нипочем ни холодные осенние ночи, ни лютая зимняя стужа.

По дну брусничной ложины бежал небольшой, скоро впадающий в болотце прозрачный ручей, и Рузанин сразу ощутил мучительную жажду, встал на колени и долго пил горстями ледяную, пахнущую папоротником воду. Когда же он, наконец, насытился и поднялся на ноги, с удивлением обнаружил то, что должно было сразу броситься ему в глаза: раскинувшийся перед ним лес не являл и малейших следов осеннего увядания; сочная, влажно поблескивающая листовая зелень его более соответствовала летней июльской поре, нежели второй половине сентября. Казалось, что под его дремотным пологом время остановилось, прекратило свой назойливый бег, навсегда забывшись в прекрасном таинственном сне.

Однако предаваться размышлениям было некогда, – дождливая серость этого дня совсем скоро могла обернуться вечерними сумерками, и тогда думать придётся уже не о грибах, но о благополучном возвращении. «Впрочем, – успокоил себя Алексей, – мне бы только до осинника засветло добраться, а там уж пускай смеркается, все тропинки хожены-перехожены»

Разросшийся по самой кромке леса орешник уступил место раскидистым кустам папоротника и невысоким мясистым стрелкам лесного хвоща, вскоре замелькали и чёрные бусинки вороньего глаза, чаще стали встречаться ели и колючий можжевельник. Вот, наконец, и первая каштаново-коричневая шляпка влажно блеснула среди травяной путаницы. Стоило Рузанину нагнуться за грибом, как он заметил невдалеке ещё пару, затем ещё, а там уж польский белый стал попадаться через каждые восемь-десять шагов, да не по одному, а всё больше по два-три. Правда, и гнилых среди них встречалось немало, поэтому далеко не каждый гриб оказывался в корзине, некоторые, порезав корешок и располовинив шляпку, Алексей тут же и отбрасывал в сторону, дабы не таскать с собой лишнюю тяжесть. Не прошло и нескольких минут, как он позабыл обо всем на свете, кроме этой увлекательной грибной охоты, а добрая половина его корзины была заполнена отборными крепкими *Xerocomus badius*. В душе Рузанина воцарились тишина и покой, а мир вокруг него снова стал прекрасен и гармоничен, как в прежние, давно канувшие в Лету времена.

«Ага, панове, – с некоторой досадой думал Алексей, очищая от земли и хвои очередной склизкий экземпляр, – как же это я о вас раньше-то не вспомнил? Стоило столько времени тратить на прочёсывание треклятого осинника! Вот уж правду говорят: дурная голова ногам покою не даёт. Ну да ничего, ничего, сейчас отыграемся. Не бывало ещё того, чтобы я пустой возвращался из лесу»

Первоначально он не понял, что заставило его насторожиться и оторваться от кропотливых поисков. Но вскоре сообразил: умолк неустанный шелест дождевых капель в осенней листве, умерли вообще все звуки, и вязкая колдовская тишина опустилась на зачарованный лес, а с ней белесый молочный туман пополз откуда-то из влажных низин, за клубился у древесных корней, окутал могучие папоротники, проник длинными языками в бузинные заросли. Сумерки упали сразу и внезапно.

Враз вернувшись к действительности, Алексей досадливо чертыхнулся и огляделся по сторонам. Насколько ему помнилось, он вроде бы никуда не сворачивал и шёл всё время почти по прямой, так что теперь ему нужно было просто развернуться в обратную сторону, выйти к ручью, а там – через ельник... Нет. В ельнике, в таком ельнике, да ещё в темноте, заплутать легче лёгкого. Надо принять влево и выйти к болоту, а там – вдоль берега и на ту сторону.

Алексей срезал охотничьим ножом две орешины, туго перевязал их лыком в виде креста и воткнул в землю, чтобы пометить на всякий случай место. Ещё разок внимательно осмотрелся – как бы чего не напутать – и пошёл в сторону болотца, которое, по его разумению, могло лежать только там, по левую руку.

Минут через двадцать ходу он забеспокоился, впереди не было видно ни малейшего просвета, лес и не думал кончаться, всё так же безмолвно смыкались над его головой тёмные кроны, а лохматый папоротник стал только гуще и выше. Рузанин взял ещё левее в надежде выйти хотя бы к ручью, а по нему уж добраться и до болота, и, действительно, через какую-то сотню шагов перед ним открылась лощина, едва не до самых краев заполненная причудливо клубящимся туманом. Алексей осторожно спустился вниз, но никакого ручья там не оказалось, только кучи старого замшелого валежника гнили на дне этой лощины. «Куда же это меня чёрт занес? –

подумал он, выбираясь обратно. – Совершенно, ведь, незнакомое место. Не припомню, чтобы бывал здесь когда-нибудь»

Некоторое время он брёл вдоль этой незнакомой лощины, всё держась левого направления и чутко прислушиваясь в напрасной надежде услышать журчание воды, пока не понял, что окончательно заблудился. Особенного страха он не испытывал, лишь непомерную усталость и глухое раздражение на собственную неосторожность: «Знал ведь, что из этого леса и белым днём не так просто выбраться. Так нет, надо было ему до темноты проколобродить. Чёрт нерусский!» Его снова стала мучить жажда, почти полная корзина непосильным грузом оттягивала руку, всё тело ломало от долгого хождения, в голове мутилось, а ноги сами собой подгибались, так что он то и дело спотыкался на ровном месте.

«Нет, – наконец решил Алексей, – надо остановиться, отдохнуть. Всё одно не дойти. Придётся ночевать здесь, а уж утром, по свету выход сам найдётся...»

Он поискал место повыше и посуше, поставил корзинку под прямой, как свеча, облепленной толстым слоем лишайника осиной, наломал с росших неподалеку молодых ёлочек лапника и бросил туда же. Долго высматривал какое-нибудь сухое деревце для костра, пока не увидел прямо за осиной сразу несколько чахоточных полумертвых сосен, торчавших на самом краю туманной лощины. Частью наломав, частью нарезав ножом смолистого сушняка, сложил его в кучу; охлопал карманы куртки в надежде найти какой-нибудь клочок бумаги, но не обнаружил ничего подходящего и, вытащив оставшиеся сигареты, засунул пустую пачку под собранный хворост.

Костер занялся сразу, затрещал, посыпал вверх огнистыми извивами искр, а сумрачный вечер враз обратился в непроглядную ночь, густая влажная темнота обступила человека со всех сторон.

Ещё собирая сушняк, Алексей заметил невдалеке стройную рябину и теперь едва не ощупью, по памяти нашёл её, нарвал спелых гроздей и принялся жевать ягоды, перебивая их терпкой водянистой горечью изводившую его жажду. Потом вернулся к своему лежбищу, подобрав по дороге большую хвойную валежину, кинул в костер, тяжело уселся на лапник, закурил и вытянул ноги поближе к огню.

Несмотря на усталость, в сон его пока не клонило. Напротив, ожило ощущение голода. Рузанин ловко нанизал на ивовый прут пару польских белых и принялся обжаривать их над костром.

Не протушившиеся в собственном соку грибы, да ещё и без соли, показались ему сухими и пресными, но сосание под ложечкой прекратилось, терзающие его тревога и раздражение отступили, и Алексей почувствовал даже некоторое умиротворение. «Не пропаду, – решил он, – огонь и какая-никакая еда есть, курево – вон тоже. Чего ж больше? Утра только дожждаться, а там всё на свои места встанет».

Неожиданный лёгкий порыв ветра прошелестел где-то на самом верху, в невидимых кронах; деревья убаюкивающе зашумели, дремотно завздыхали, зашептались промеж собой, как полусонные дети, и Рузанин не заметил, как и сам тоже стал проваливаться в спокойное забытёе. Пару раз он ещё открывал глаза, недоумённо вглядываясь в подступающую темноту, уже не вполне понимая, где находится, а после заснул совсем, привалившись спиной к мягкому лишайнику, толстым губчатым слоем облепившему ствол старой осины.

Очнулся он от холода, костер почти совсем прогорел, угли его подёрнулись серым пеплом. Глянув вверх, Алексей увидел, что тучи частично рассеялись, тут и там затеплились тускловатые светляки звёзд, и большая кровавая луна встала над лесом.

Алексей с кряхтением, то и дело зябко вздрагивая, поднялся со своего ложа, – нужно было раздобыть ещё сушняка, оживить костёр, да и все члены его занемели от неудобной позы. Поползав на четвереньках вокруг осины, он с трудом набрал лишь немного мелкого валежника, вдобавок изрядно сырого от обильной ночной росы; пришлось бросить в костер служивший ему подстилкой лапник. Когда тот занялся, громко потрескивая и стреляя в темноту мелкими угольками, Рузанин уложил сверху собранный хворост и недогоревшие остатки еловой валежины. Костёр разгорался нехотя, красные язычки его споро пробежали по смолистым иглам и по-змеиному зашипели на чёрных мокрых сучьях, норовя захлебнуться вытапливаемой влагой, задохнуться и заглохнуть в клубах сизого дыма. Алексей наломал ещё еловых веток, как следует обтряс их от росы и положил в огонь. Управившись с костром, он вновь тяжело опустился подле замшелой

осины, нахлобучил поглубже на голову капюшон, засунул руки в рукава куртки и попытался заснуть. Но сон не шёл, лишь изредка какая-то тяжёлая одурь обволакивала его сознание, на пару минут проваливался он в тревожное полузабытёе, полное размытых, смутных образов, и вновь открывал глаза, прислушиваясь к таинственному лесному шуму и тоскливым вздохам старых деревьев.

А лес между тем шумел всё громче, всё сердитее, вздохи невидимых деревьев становились всё сильнее, глубже. Чувствовалась в этом шуме и этих вздохах какая-то затаённая угроза, глухое и плохо сдерживаемое раздражение против вторгшегося в чужие владения человека. Самая темнота вокруг была полна неясных и оттого ещё более таинственных и страшных шорохов, призрачных звуков и шепотков.

У скорчившегося подле малой огненной точки Рузанина росло недоброе чувство, что кто-то враждебный подсматривает за ним, неотступно следит, сокрывшись за непроглядной завесой ночного мрака.

Вскоре уже чудилось Алексею, будто целое сонмище неведомых лесных существ сгрудилось вокруг слабого светляка его костра, и все эти затаившиеся до поры мороки вперили в него негодующие взоры, возмущённо бормочут и только ждут подходящего момента, чтобы выскочить из своих укывищ и наброситься на опрометчиво забредшего в их потаённые края чужака.

Редкие минуты забытья тоже не приносили облегчения, и там преследовали его чудовищные и жуткие видения. Вовсе, казалось, окаменелые, канувшие в неведомое, прочно и старательно позабытые воспоминания оживали и теснились перед его внутренним взором, подобно покойникам, неожиданно для родных и близких восставшим из своих могил.

Вся мерзость и пустота последних лет предстала перед Рузаниным с пугающей очевидностью. Лица друзей, которых он равнодушно бросил, женщин, которых он оттолкнул или предал, мелькали перед ним, сменяя друг друга с калейдоскопической скоростью. Все гадости, которые он, успел совершить в своей жизни, явились перед ним с обнажённой ясностью.

Казалось, вся скопившаяся у него под сердцем глухая тоска нашла наконец выход, излилась в этих видениях и образах и вот-

вот затопит его смятенное сознание, погребёт его под тяжким и тёмным валом обезумевшей памяти.

«Заманили! – непонятно о ком думал Рузанин. – Теперь уж не уйти, не вернуться» Но тут же и одергивал себя: «Что это я? О чём?! Нет ведь ничего. Морок один. Морок и ничего больше!»

Однако в следующее мгновение тёмный вал опять накрывал его, сдавливал непомерной тяжестью грудь, и он вновь, задыхаясь, погружался в призрачную пучину потерянных воспоминаний и образов. С усилием сбрасывая с себя сонное наваждение, Рузанин снова оказывался один на один с бормочущей мглой и затаившимися в этой мгле неведомыми опасными существами, чувствовал скрестившиеся на нём враждебные и злобные взгляды, вздрагивал от таинственного шороха и глухих вздохов. Ему казалось, что стоит только прислушаться, и он непременно разберёт, о чём шепчется окружившая его темнота, поэтому прислушиваться он боялся, старательно зашоривал сознание и оттого вновь проваливался в наполненное кошмарами забытьё и вновь пытался из него выбраться, в ужасе от жутких видений.

Внезапно громкий хриплый вой, раздавшийся совсем близко, заставил Алексея подпрыгнуть и мигом вскочить на ноги.

Дремоту как рукой сняло, а сознание враз прояснилось. Он напряжённо замер, тщетно всматриваясь во тьму и стараясь определить, померещилось ли ему это во сне или действительно он слышал так напугавший его звук.

Вой больше не повторялся. Постояв несколько минут, Рузанин постепенно стал соображать, что не иначе как собственный разум сыграл с ним такую злую шутку.

«Господи! Помстится же эдакое, – думал он, пытаясь унять сотрясающую его нервную дрожь. – Вот уж, правда, у кого совесть нечиста, тому и тень кочерги – виселица»

Костёр догорал, угли в нём ещё слабо мерцали бесшумными кроваво-красными огоньками, но света почти не давали, поэтому окружающий мрак не казался уже таким плотным и беспросветным; смутными тенями проступали силуэты деревьев, а верхушки их отчётливо выделялись на фоне звёздного неба и отливали в рассеянных лучах луны тусклым серебром.

Алексей решил снова собрать хворосту, да и пить очень хотелось, поэтому он перво-наперво попытался определить, в какой стороне должна находиться рябина, что вчера помогла утолить ему жажду. Наметив примерное направление, он отправился на поиски, осторожно ощупывая темноту перед собой срезанным днём ольховым прутом.

Шагов через десять он наткнулся на ту самую рябину и принялся торопливо срывать и жадно разжёвывать наполненные горьковато-кислым соком спелые ягоды.

И в этот самый момент неожиданный тихий хруст ветки за спиной заставил его замереть на месте.

Рузанину стало жутко – буквально всей кожей, всем своим существом почувствовал он упёршийся прямо ему в затылок тяжёлый враждебный взгляд. Волосы на голове его зашевелились, ледяная волна страха пробежала по телу и сковала мышцы.

Непослушными, будто одеревенелыми пальцами нащупал он костяную рукоятку висевшего на поясе охотничьего ножа, заставил себя медленно повернуться, и сейчас же сердце, глухо ухнув, провалилось куда-то в живот – всего в нескольких метрах от него, в еле заметном просвете между деревьями отчётливо виднелась огромная чёрная фигура какого-то невероятного существа.

Существо стояло неподвижно, угрожающе сторбившись и растопырив пообезьянью длинные лапы или руки; было оно не меньше, чем в полтора человеческих роста, с конической, сужающейся к макушке большой головой и грузным мохнатым туловом. В самой неподвижности его ощущалась чудовищная необоримая мощь и древняя злоба. Неизбывной ненавистью ко всякому человеческому духу веяло от этого существа.

Рузанин отчаянно закричал, метнул в тёмную фигуру палкой и сделал два шага в сторону, вытаскивая одновременно из кожаного чехла нож, и сейчас же со стоном облегчения рухнул на влажный мох: наваждение развеялось – вместо зловещего неведомого монстра перед ним стояла небольшая причудливо искривленная сосна.

От пережитого страха и мучительного чувства собственной беспомощности Алексей даже заплакал, уткнувшись лицом в грязные ладони. Но тут же урезонил себя, утёр слёзы и поднялся на ноги, до боли сжимая пальцы в кулаки: «Что это я? Эдак

скоро и вовсе крыша поедет. Нет, надо выбирать, уходить из этого чёртова леса...»

Небо, казалось, немного посветлело, да и лесной мрак вроде бы чуть рассеялся. Видимо, близилось утро.

Алексей подошёл к напугавшей его кривой сосне, мстительно обломал наиболее пушистые лапы и отнёс к заглохшему костру. Через несколько мгновений они вспыхнули ярким зеленовато-оранжевым пламенем.

Грея над огнём руки, Рузанин припоминал рассказы своей покойной бабки Прасковьи о лесном хозяине, которыми она обильно потчевала его в детстве. «Есть такие леса, милок, – обыкновенно начинала она каждый свой рассказ, – куда лучше и не соваться. В тех лесах неизвестная сила обитает, а ночами сам лесной хозяин бродит и шибко сердится, коли заночует там кто из людей. Самой мне его видать не приходилось, Господь миловал, но бают, будто страшен тот лесной хозяин, что твой чёрт: мохнат, агромадного росту, глаза имеет разного цвета – один зелёный, а второй красный, и на ногах обувка разная – левый сапог на правой ноге, а правый на левой. Ещё бают, что облицием он ровно как старый куст, какие на болотах вырастают, с головы до ног лишаем порос и сила в ём немереная: тому хозяину человека задавить, что тебе вошь прихлопнуть! От так от, милок. В лес, вишь, тоже с понятием ходить надо. Не всякого человека лес живым выпустит».

Немного отогревшись, Рузанин опять направился за хворостом: скоро рассвет или нет, а всё лучше дожидаться его здесь, у костра, нежели пытаться выбраться из проклятого леса в темноте.

На сей раз Алексей не опасался отойти подальше от места своего ночлега – костёр был приметен издали и служил прекрасным ориентиром. Набрал достаточное количество валежника, он хотел было возвращаться, но тут краем глаза заметил какое-то слабое зеленоватое свечение в глубине высоких зарослей ольшаника. Прислушавшись к себе, Алексей понял, что никакого особого беспокойства или тревоги это явление у него не вызывает, поэтому после некоторых колебаний решил рассмотреть его поближе.

Едва он сделал несколько шагов в ту сторону, как в нос ему шибанул ни с чем не сравнимый, отвратительно резкий запах падали. «Тьфу! – плюнул Рузанин. – Экая вонь! Видать, что-то там разлагается, какое-

нибудь животное, наверное». Чем ближе он подходил, тем запах гления становился всё сильнее. Наконец Алексей приблизился достаточно, чтобы разглядеть источник загадочного свечения, и глазам его открылось довольно примечательное, даже inferнальное зрелище: на небольшой, залитой рассеянным лунным светом прогалине рос огромный белёсый гриб с ноздреватой конической шляпкой, а в покрывающей эту шляпку вязкой слизи копошилось множество крупных жуков, чьи хитиновые надкрылья ярко мерцали колдовским зеленоватым светом. Именно гриб и распространял далеко вокруг себя миазмы трупного запаха и, несмотря на неестественный размер, Алексей сразу признал в том грибе пресловутую весёлку, чьё латинское, более откровенное название вполне соответствовало вызывающе фаллической форме.

Рузанин успел ещё заметить, что весёлка растёт по самому центру трёх заключённых друг в друге «ведьминых кругов» – концентрических окружностей, образованных некими мелкими поганками, как вдруг за спиной его раздался тот самый леденящий душу хриплый вой, слышанный им этой ночью. Алексей подпрыгнул на месте от неожиданности и, не помня себя, бросился бежать.

Он бежал, ломая и круша попадающиеся на пути кусты и ветви деревьев, бежал, не разбирая дороги и не помня себя от охватившей его паники, бежал куда-то в темноту, а позади него всё ближе и ближе трещал валежник, и чьё-то хриплое горячее дыхание шевелило волосы на его затылке.

Рузанин не заметил, как лес вокруг него поредел, деревья расступились, папоротники сменились мшистым колючником и зыбкими кочками сфагнома. Ничего этого он не заметил и опаматовался лишь тогда, когда по самые плечи провалился в чёрную топкую жижу. Судорожно взмахнув руками, он ещё сумел развернуться назад и в отчаянном броске ухватиться за куст тощей осоки, но пожухлая трава тут же вырвалась с корнем, и Рузанин погрузился в болото уже по шею.

Он ещё продолжал некоторое время биться в вязком месиве, тщетно пытаясь удержаться на поверхности, но никакой опоры под ногами не было, до земли – не дотянуться. И смятенный разум его неожиданно успокоился, ибо он с холодной ясностью вдруг осознал, что это и есть конец.

Последнее, что видел Рузанин, прежде чем болото с громким чавкающим всхлюпом навсегда сомкнулось над ним, — это маячивший на берегу неподвижный чёрный силуэт с угрожающе растопыренными мохнатыми лапами, грузным туловом и конической, сужающейся к макушке головой.

***

— Мама родная! Что это? — воскликнул Аркадий, уставившись на чудовищного вида меховое рубище, облепленное перьями и массой сухих веток. Он только что, из чистого любопытства, заглянул в гардероб своей новой подружки и — на тебе! — обнаружил сей шедевр портняжного искусства.

— Ах, это, — Людмила с улыбкой посмотрела на находку Аркадия. — Ну... Просто старый маскарадный костюм. Помнишь, *Erlkonig*? Лесной царь Шуберта? Довелось как-то изображать. Год назад, на детском утреннике. Осенью.

Аркадий с брезгливым недоумением потрогал траченную молью овчину; старый, вывернутый наизнанку мерлушковый тулуп мало того что был обшит всякой дрянью, вроде упомянутых веток, перьев и клоков негодной ветоши, так ещё оказался декорирован не то странным капюшоном с прорезями для глаз, не то колпаком — приличных размеров и конической формы; из рукавов на резинках свисали меховые же перчатки, снабженные устрашающего вида когтями; когти смахивали на медвежьи.

— Какой такой Лесной царь? И капюшон этот... Ну ты даёшь, Людка! Пряма, ку-клукс-клан натуральный.

Людмила рассмеялась.

— Тёмный ты у меня, Аркаша. Ни Гёте не читал, ни Шуберта не слушал. А у куклуксклановцев твоих капюшоны другие — из белого полотна.

Аркадий только головой покачал.

— Чего ты его не выбросишь-то? Моль разводиться собралась?

— Так... — Людмила снова улыбнулась, на этот раз мечтательно. — Приятные воспоминания. Дело прошлое, конечно... Но выкидывать не стоит. О таких вещах, милый, никогда не знаешь, когда и где они тебе ещё разок-другой пригодятся.

Через минут пятнадцать Людмила выбрала подходящее платье. Аркадий со вздохом облегчения подал ей норковую шубку, и оба покинули квартиру.

Едва захлопнулась входная дверь, лёгкий порыв сквозняка прощелестел по комнате и проник в оставленный открытым шкаф. И — удивительное дело! — на одно короткое мгновение ветхий «маскарадный» тулуп словно бы ожил: в жутком подобии жизни зашевелились толстые рукава, зелёные искорки со слабым потрескиванием побежали по ворсу, а длинные полы дрогнули и колыхнулись — так, будто овчинное чудище и впрямь намеревалось вылезти из шкафа.

Но то было, само собой, одно наваждение. Морок.